

Понедѣльникъ, 5-го іюля 1904 г.

Условія подписки:

Съ доставкой въ Москву или
въ пересылкой по городамъ:
въ годъ..... 8 р.—к.
" 6 мѣсяцевъ..... 4 " 50 "
" 3 "..... 2 " 50 "
" 2 "..... 1 " 70 "
" 1 "..... — " 90 "
Отдѣльный № изъ розничной
продажи въ Москвѣ 3 к., съ
иллюстр. дополненіемъ 5 к.
въ друг. городахъ 6 коп.

Контора открыта ежедневно
для приема подписки и объ-
ясненій отъ 9 час. утра до 7
час. вечера.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Понедѣльникъ, 5-го іюля 1904 г.

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ

№ 184

Тарифъ объявленій:

За строку первая и въ
вѣста. обыкновенно до — 10 к.
въ 1-й страницѣ, 2-й и въ 4-й
стор. такая плата — 1 руб.

Реклама для лавч. обсто-
вительствъ отъ 3—5 к. за

Телефонъ редактора № 104

Ежедневная газета безъ предварительной цензуры

Редакция и контора: Москва, Мясницкая ул. д. № 20 (наслѣдн. Ананова).

ТЕЛЕФОНЪ ТИПОГРАФІИ № 738

ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКЦИИ № 738.

№ 5244

О ЧЕМЪ ПИШУТЬ.

Всѣ петербургскія газеты посвятили Чехову большія и прочувствованныя статьи. Смерть этого крупнаго художника слова явилась огромнымъ событіемъ въ русской жизни. Даже война какъ-будто забыта. Такова сила горечи и остроты впечатлѣнія отъ сознанія понесенной въ лицѣ скончавшагося писателя русскимъ обществомъ потери.

Правит. Вѣстн., напоминая о томъ живомъ интересѣ, съ какимъ слѣдила «и русская, и заграничная печать за каждымъ вновь появившимся произведеніемъ Анто́на Павловича», горько скорбитъ о безвременной кончинѣ писателя.

Смерть его,—говоритъ газета,—для всего интересующагося имъ міра была неожиданностью. И тѣмъ болѣе, что о теченіи болѣзни Анто́на Павловича за послѣднее время газеты оповѣщали благопріятныя и успокоительныя вещи.

Новое Время говоритъ:

Посреди столькихъ смертей, столькихъ драгоцѣнныхъ жертвъ, вырываемыхъ у насъ, эта неожиданная кончина Анто́на Чехова выдѣлилась рѣзко, ударила по сердцу съ нестерпимой болью. Въ расцвѣтъ таланта взять у Россіи выдающійся художникъ-писатель, большая творческая, культурная, прекрасная сила. Писатель вдумчивый, оригинальный, замѣчательный драматургъ, задушевный человекъ, тонкій юмористъ, глубокий психологъ, почти-философъ въ своей рисовкѣ мелкой жизни, будней ея, писатель, особенный по технику, часто миниатюристъ и живописецъ слова, какимъ былъ Мейсонъ въ пластикѣ красокъ, и въ то-же время возвышающійся до титовъ, поэтъ, прощепенный поэтъ. Въ лицѣ Анто́на Павловича Чехова русская литература утрачиваетъ нѣчто высоко цѣнное, рѣдкое — постояннаго художника, вполне владѣющаго тайной искусства и пользовавшагося только тѣми средствами, которыя художественному творчеству свойственны. Ни тенденція, ни логическое глубокое мысліе, ни ораторскій пафосъ, ничто не мутило чистый алмазъ его творчества, что такъ часто плѣняетъ и привлекаетъ толпу и принимается ею за искусство. Чеховъ дасть жизнь въ своихъ созданіяхъ, чудомъ рождаемаго слова, именно такъ, какъ давали ее наши русскіе классики—Тургеневъ, Товчаровъ, Гоголь. По объему картины, рисуемыя Чеховымъ, и могутъ уступать имъ, но не по выполненію. Онъ такой-же художникъ въ полномъ смыслѣ слова, какъ и они.

Торг.-Пр. Газ., касаясь значенія литературной дѣятельности Чехова, ограничивается всего нѣсколькими строками, но достаточно краснорѣчивыми:

Напомнимъ только,—говоритъ газета,—что въ 1900 году, при первыхъ выборахъ въ Пушкинское отдѣленіе академіи наукъ, А. П. былъ избранъ одновременно съ Л. Н. Толстымъ.

С.-Пет. Вѣдомости:

Рѣдкій писатель въ поискахъ неба такъ много и такъ мучительно изучалъ нашу действительность въ 80-е года, какъ этотъ поэтъ разоренія духовнаго, печальникъ обывательщины русской—А. П. Чеховъ.

Умеръ Чеховъ.

Что-то тяжелое и гнетущее все болѣе и болѣе сковываетъ мозгъ и охватываетъ душу.

Бирж. Вѣдом.:

Умеръ Чеховъ,—тончайшій, изящѣйшій представитель красоты на землѣ. Ея стало теперь меньше, человечество объединѣлося. Осыпались бѣлоснѣжные невинные лепестки съ вишневыхъ деревьевъ, догорѣлъ прекрасный день, потускнѣли все звуки природы... Чеховъ умеръ, Чеховъ умеръ.

В. Боцяновскій,—одинъ изъ самыхъ чуткихъ литературныхъ обозрѣвателей въ настоящее время,—объявляетъ на страницахъ *Руси*, почему именно въ произведеніяхъ Чехова такъ много печальнаго и грустнаго, почему въ краскахъ его преобладали мягкія сѣрыя цвѣта.

Восьмидесятые годы, превратившіе русскую жизнь въ стоячее болото, затянувшіе паутиной все, что было сколько-нибудь живого,—не давали ничего другого, не давали мѣста для типовъ и картинъ иного склада. Чеховъ пробовалъ наводить свой микроскопъ въ разные слои этой эпохи. Напрасно его упрекаютъ въ односторонности наблюдений. Онъ заглядывалъ и въ низшіе и въ высшіе слои общества, но и тѣ, и другіе одинаково поражали его своей грубостью, пошлостью, мертвечиной. Чеховъ, какъ Діогенъ, тщетно искалъ чело-вѣка. Онъ не нашелъ его среди грубыхъ, невѣжественныхъ мужиковъ, ни среди чиновниковъ, ни среди писателей и даже учителей жизни—профессоровъ. Вся жизнь, жизнь неосмысленная, одного изъ такихъ профессоровъ представилась ему ни болѣе, ни менѣе, какъ скучной, старой исторіей. Повсюду онъ видѣлъ не столько людей, сколько футляры, въ которые эти люди прятались, видѣлъ вокругъ себя не жизнь, а по выраженію Глѣба Успенскаго, такъ—„гнѣзды грибовъ“... Самъ онъ лучшими своими годами принадлежалъ къ этой эпохѣ, этому обществу.

Тутъ трудно было дать что-нибудь другое, чѣмъ давалъ Чеховъ, еще труднѣе было сохранить въ себѣ вѣру въ лучшее будущее и самому не погрязнуть въ тинѣ. А Чеховъ эту вѣру сохранилъ. Онъ глубоко, глубоко заперталъ ее въ себѣ, опасаясь, что окружающее болото осквернитъ ее своими испареніями, запачкаетъ ее, что въ этотъ моментъ затопчутъ ее грязными сапожниками.

Говорятъ, что у Чехова не было определенной программы. Да, онъ не поддерживалъ никакихъ определенныхъ теченій и прописныхъ тенденцій. Онъ не вѣрилъ въ практическія послѣдствія говоренія на тему объ истинахъ самоочевидныхъ. Но программа у него была, и очень определенная. Онъ зналъ, что его герой Лаевскій, тратившій свои силы на протестъ передъ каждой торжествующей свиньей, ничего не достигнетъ. Онъ поставилъ своей задачей показать людямъ, всѣмъ вообще, всему русскому обществу, до чего оно оплошало, въ какую трясину попало.

Большую, красиво и горячо написанную статью посвятилъ Чехову А. С. Суворинъ.

„Одно сознаешь,—говорить въ этой статьѣ между прочимъ старый, чуткій журналистъ,—какъ мало мы вообще цѣнимъ людей при ихъ жизни и какъ они разомъ вырастаютъ передъ очами нашей души, когда закроется ихъ гробовая крышка. Поднимается въ душѣ какой-то укоръ, вспоминается разомъ цѣлая куча разговоровъ, свиданій, вмѣстѣ прожитыхъ дней, легкомыслія, ненужныхъ пустяковъ, недоразумѣній, умолчаній и самолюбивой замкнутости, которая иногда вдругъ закрываетъ искреннія движенія души. Я обязанъ Чехову многимъ, обязанъ его прекрасной душѣ, которая молодила меня, которая давала и всѣмъ, кто съ нимъ сходился, это чувство чего-то живого, прямого, благороднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ здравомысленнаго. Меньше всего думалось, что это—писатель, что это—талантъ. Все это даже забывалось и являлся чело-вѣкъ во всемъ обаяніи его ума, искренности и независимости. Въ Чеховѣ было что-то новое, какъ будто совсѣмъ изъ другой жизни, изъ другой атмосферы. Таково во крайней мѣрѣ мое впечатлѣніе. Ни сентиментализма, ни притворнаго участія, ни фразъ. Иногда даже какъ будто жесткость, но жесткость правоты и твердости. Въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ страданій онъ сталъ благодушнѣе и мягче. Что-то меланхолическое и покорное

судьбѣ явилось въ его изстрадавшейся
душѣ. Съ нимъ умеръ страдалецъ-писатель
не въ томъ представленіи, которое легко
впадаетъ въ общее мѣсто и обращается
въ бавальную фразу, для писателей не-
понятную, а въ представленіи истиннаго
страданія, физическаго и моральнаго, близ-
каго всякому человѣку, близкаго той
средѣ, поэтомъ которой онъ сдѣлался,
которая принимала къ сердцу его драмы
и понимала закрытый для другихъ ужасъ
земного существованія и мечтала хоть
о капелькѣ солнца, хоть объ обманѣ, ко-
торый выведетъ бы ее изъ душевной и без-
дѣльной тоски. Я разъ спросилъ его въ
письмѣ (1894 г.): „Что долженъ желать
теперь русскій человѣкъ?“ — „Вотъ мой
отвѣтъ, — писалъ онъ, — желать. Ему нуж-
но прежде всего желаніе, темпераментъ.
Надоѣло кисляйство“. Это кратко и
неопредѣленно, пожалуй, но это вырази-
тельно и вѣрно. Самъ онъ всегда желалъ,
желалъ прогресса русской жизни, желалъ
сильныхъ характеровъ, дарованій, желалъ
и искалъ весь свой краткій вѣкъ солнца
и такъ умеръ, не увидавъ его настоящаго
блеска.